В. Е. Баранов

ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ

Статья трактует личность как сверхиндивидное бытие человека, формируемое системой общества для целей собственного поступательного развития. Утверждается, что происходящие в современной техногенной цивилизации социальные, технические и экономические новации одновременно и порождают личностное бытие человека, и опосредствуются им.

V. Baranov

POST-CONTEMPORANEITY AND PERSONALITY PROSPECTS

The article defines a personality as super-individual being of a person formed by the society system for the benefit of progressive development. The author states that social, technical and economic innovations that take place in the modern industrial civilisation both cause and are mediated by a man's personal existence.

Личностное бытие как личностность бытия

Самое трудное, как известно, видеть то, что лежит перед глазами, потому что «глаза» всегда вооружены той или иной «парадигмой» познания. *Личность* в силу этого часто воспринимается как нечто находящееся в человеке (где же еще?) и обслуживающее его, этого единичного человека. Личность – это человеческий субъект, некая самосубъектность, или «самость» человека. Это некоторый «The Man for Himself» – самоосознание, саморегуляция, самовыражение, самоутверждение. Личность и общество в этой парадигме внешни и недружественны, даже враждебны друг к другу: общество требует – личность подчиняется (либо не подчиняется), и так или иначе творит свое бытие, а вслед за ним и свою сущность (Ж.-П. Сартр). Стабильное общество добивается от личности жесткого ролевого исполнительства, развивающееся общество находит в личностном самотворчестве выгодные для себя новации (Р. Линтон, А. Г. Асмолов). В результате применения такой индивидной (и индивидуалистической) парадигмы понятие личности подменяется понятием индивида, и тогда то, что называется социологией личности, психологией лично-

сти (равно как педагогикой, политологией личности), оказывается лишь социологией, психологией *индивида*. Это проистекает из наличной эмпирии: сегодняшний мир не продуцирует массовой личностности людей, и статистически выбираемые для изучения личности индивиды действительно являются лишь индивидами этого мира – неделимыми и однозначными его представителями.

А между тем, не в пример эмпиристско-позитивистской науке, феномен личности всегда осмыслялся духовно-практическими формами освоения действительности: искусством и религией. Чуткие барометры социальной атмосферы, художники во все века с большей озабоченностью, чем Диоген, ищут Человека – и, разумеется, не своекорыстно-индивидного, рыночно-успешного «сэлфактуалайзера», а возвышающегося над своей индивидностью и становящегося свободным и сознательным творцом своего бытия как бытия всеобщего. Смысл названия сборника рассказов Паризе «Человек – вещь» – человек не вещь. Смысл всего творчества А. Платонова – человек существо универсальное и потому свободное, т. е. свободно ответственное за судьбы человечества. «Владеть человеком должно только высокое. Чем больше самозабвения, тем совершеннее человек».

Христианская религия на свой лад, в превращенных формах мистики и рекомендаций евхаристии и метанойи тоже отличает индивидное бытие человека как природно-телесное, низменное и греховное, от бытия личностного, системного и «соборного» (А. С. Хомяков), «симфонического» (Л. П. Карсавин), «богочеловеческого» (В. С. Соловьев). Человек рождается дважды: в первый раз как природно-телесный индивид, живущий любовью к себе и презирающий все сверхиндивидное, и во второй раз как существо сверхиндивидное, любовно относящееся к целому, олицетворенному в боге и доводящее эту любовь до презрения к самому себе – индивидному (А. Аврелий).

О личности вопрошает и передовая философия. Что есть человек и что есть образцовый, достигший полноты своего осуществления (своей энтелехии, по Аристотелю) человек? Такой полнотой человеческого бытия, безусловно, обладает личность. Homo sapiens – человек разумный, но разум – это не просто рациональность, или интеллект, или логика. Разум – категория не логическая, а антропологическая, или лучше – философская. Это нравственно и эстетически опосредствованный и обогащенный рассудок, это единство истины, добра и красоты. Это понимали уже древние (Лао Цзы, Гераклит, Аристотель).

Это понимал и Гегель, различавший три этапа в самоосуществлении в человеке мирового духа:

1. Этап «сознания», когда дух (т. е. человек) существует еще лишь «в-себе» как абстрактное человеческое существование, еще не выделавшееся в индивидуальность, когда сознание лишь заменяет человеку инстинкт, когда он поглощен группой и не имеет собственной субъектности.

2. Этап «самосознания», когда человек живет «в-себе-и-для-себя», индивидно и рассудочно, относясь к другим людям и ко всему миру как к средству, когда он своим массовым проявлением организует то, что называется «гражданским обществом», в котором «каждый для себя цель, все остальное для него ничто»[1].

3. Этап «разума», когда человек превосходит (трансцендирует) свою индивидность и идентифицирует себя со всеобщим. «Разум проявляет общий интерес к миру потому, что он есть достоверность того, что он наличествует в мире, или что наличность – разумна. Он ищет свое «иное», зная, что обладает в нем не чем иным, как самим собой; он ищет только свою бесконечность»[2].

Это понимал К. Маркс, отличавший отчужденное, частичное состояние современного массового человека от его возможного, потенциального, подлинного «универсального и потому свободного» состоя-

ния, когда все его сущностные силы развиваются «безотносительно к какому бы то ни было заранее заданному масштабу». Но это у Маркса еще гегелевское, собственное же в том, что Маркс понял, что для осуществления этой сущности человека нужна специфическая – гуманистическая – организация общества, которая требует высочайшего уровня производительных сил и которая, собственно, и есть коммунизм как «завершенный гуманизм»[3].

Поучительны и эвристичны размышления о личности нашего горестного соотечественника Л. П. Карсавина. Он отличал видимость человеческого бытия от его сущности. В индивидном человеческом бытии тайно присутствует вертикаль сверхиндивидности. Личность возникает не в индивиде для нужд индивида и не в диалоговом общении индивидов, а только в иерархических взаимосубординациях личностей индивида, общества и бога как «симфонической личности» всего бытия. Бытие личности (человека) лепится бытием, существующим как личность. Личность – порождение всего бытия, а не одной только живой природы как средство выживания и даже не только общества, понятого как общежитие, выживание, простое его воспроизводство. Здесь наблюдается не классическая (декартовская) дуалистическая объект-субъектная схема: личность появляется в немыслящем теле, чтобы воздействовать на внешний мир в интересах этого тела как части мира, а схема, в которой личность появляется как интегральное свойство всего мира, включающего в себя и объективное (первичное), и субъективное (вторичное, идеальное, сознательное) для реализации потенций (возможностей) этого мира. Человеческая личность в этом смысле – это не просто энтелехия человеческого *тела,* личность становится энтелехией самого бытия, его осуществленной живой формой, его идеальным инобытием и самовыражением, его идеальным снятием, понятым как концентрация его, этого мира, идеальных, идеализированно-образцовых состояний. Первично мыслит и является перволичностью только субстанция в целом, по Спинозе. Таковы идеи Л. П. Карсавина о личности[4].

Личность как результат и фактор постсовременности

Как возможна постсовременность? Как возможны постиндустриальное, постэкономическое, посттрудовое, постсоциальное и одновременно постчеловеческое, а если без эвфемизмов – как возможно постбуржуазное общество? Нет сомнений, что оно связано с историческим становлением личностного состояния массового человека, т. е. с преодолением, изживанием, избыванием массового отчужденно-индивидного состояния людей современной эпохи. Мы еще не были людьми, не жили по-людски, и потому ясно не представляем, как это может получиться у нас в будущем. Но логика, данная нам миром, наводит нас на мысль, что личностное состояние – это наше сущностное состояние, и оно не может не осуществиться, сбросив первоначальные превратные формы своего проявления.

Если первобытное общество (палеолит, неолит) осуществлялось на базе безличностного и доиндивидного состояния людей, то цивилизация (классовое общество) породила индивидный интерес, индивидуализм и конкуренцию всех со всеми. Личные симпатии сменились вещными отношениями. Господствовавшие в человеческом общении группы типа приятельских компаний сменились частнособственническими корпорациями. На первый план в общественной жизни выходит феномен отчуждения – господство над человеком им самим созданных структур и богатств. Никто уже не принадлежит самому себе, все – и «раб», и «господин» – теряют в себе человека и превращаются в вещные придатки вещей. Капитализм взвинчивает это отчуждение уже, казалось бы, сверх всякой меры. Однако принцип сохраняется, отчужденный мир не уходит с арены истории.

По-видимому, человечество не исчерпало еще всей меры очищающих его страданий. При нынешнем уровне развития производительных сил принцип индивидной жизни явно еще не исчерпал себя, личность как массовое явление все еще не является жесткой общественной необходимостью, общество живет, справляясь со своими задачами, опираясь на индивидный уровень подавляющего большинства своих членов.

Но времена меняются на наших глазах. Революционно развиваются те самые производительные силы, которые лежат в основе всех остальных изменений в обществе. Эра человека – придатка машины, наемного работника, отчужденного от целей производства уходит в прошлое. Меняется структура общественного производства, в нем сокращается доля (по числу занятых) материального производства и преобладающей становится сфера обслуживания. В этой последней предмет труда – уже не мертвый материал природы, а живые люди, юридические и физические лица. Такая гуманитаризация приводит одновременно и к необходимости гуманизации отношений в общественном производстве и во всем обществе. Продукт труда сферы обслуживания чаще всего не «выбрасывается» в отчужденную стихию рынка, а непосредственно передается потребителю, который, несмотря на сохраняющиеся ценники и тарифы, все же склонен рассматривать полученный продукт скорее как потребительную, а не как меновую стоимость. Закон стоимости здесь буксует, заменяется законом потребительной стоимости[5]. Нет стоимостных, рыночных отношений в современной семье (по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев). Еще более наглядна эта закономерность в случаях затрат на ликвидацию последствий катастроф, на гуманитарную помощь, на решение экологических проблем. Здесь вложения вовсе не опосредствуются рынком, т. е. законом стоимости. Здесь преимущественно производится потребительная стоимость. Но ведь закон потребительной стоимости как закон регуляции человеческих экономических отношений – это и есть собственно человеческий закон, делающий отношения людей непосредственно человеческими. Уменьшается доля ролевого исполнительства и опосредствованных, вещных отношений между людьми, увеличивается доля непосредственного присутствия человека в отношениях с себе подобными, а это и есть личностные отношения. Становятся все более заметными свободная самоактуализация человека и личностные, субъект-субъектные отношения между людьми[6]. Заканчивается кажущаяся нам бесконечной эра опосредствованных (вещами, товарным производством, рынком) отношений между людьми, и на горизонте истории провидится эра человеческой – личностной – непосредственности.

Уходят в прошлое политический либерализм, свободная индивидная субъектность человека, индивидуалистическая конкурентная стихия политической жизни, «естественная и небезобразная» война всех против всех. Как минимум это заменяется неолиберализмом, осознанной необходимостью сотрудничества и солидарности всех со всеми. Экономический монетаризм заменяется кейнсианством. Все это еще пока что полумеры, но тенденция очевидна. Поэтому «классическое» гражданское общество», о котором в нашей стране говорят как о желанной цели, в мировом масштабе все более очевидно снижает свою привлекательность. Сегодня уже всерьез востребовываются коллективистические, «коммюнитарные»[7] связи и отношения в обществе. «Человек умер»? Это еще как посмотреть на то, что такое человек. «Умирает» (отмирает, уходит в прошлое) человек индивидный, частичный, атомистичный, плюралистичный, индивидуалистичный и грядет человек универсальный, коммунитарный, всеобщий. Уходит в прошлое человек рассудочный и формируется человек собственно разумный. Кончается эра индивидности и брезжит впереди *эра личности*. Современное человечество, по всей видимости, стоит на

пороге очередной в своей истории колоссальной демографической революции, сравнимой с переходом от палеолита к неолиту или от неолита к цивилизации.

Некоторые исследователи склонны считать, что подобная эра уже наступила, все проблемы разрешены, и мы уже живем в постсовременном, постчеловеческом мире. Эта иллюзия объективно является препятствием действительному движению. Это попытки увековечить сегодняшний мир как последнее слово человеческой истории. Последнего слова у истории никогда не будет, это признает теперь и сам Фукуяма[8]. История делается людьми, но предварительно она создает те качества людей, которые способны ее творить. Нам нужно внимательно следить за тенденциями и запросами истории, которые сегодня преимущественно представляют собой запрос на массовую человеческую личность. Это только запрос, потребность социума. А удовлетворять ее должен сам человек, жаждущий быть личностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. – М., 1990. – С. 228.

[2] *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. – М., 1959. – Т. IV. – С. 130.

[3] *Маркс К.* Соч. – М., 1974. – Т. 42. – С. 116.

[4] См.: *Карсавин Л. П.* О личности // Карсавин Л. П. Религиозные и философские сочинения. – М., 1992.

[5] См.: От закона стоимости к закону потребительной стоимости. – СПб., 2001.

[6] См.: *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. – М. 1999.

[7] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М.,1999.

[8] См.: *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. – М., 2004.